

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/pgiahm>

Опосредованный виртуальный диалог в социальных сетях на фоне непосредственного (живого) диалога: функциональные и структурные особенности (на материале общения в социальной сети ВКонтакте)

Голев Николай Данилович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5085-8816

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Scopus Author ID: 56642816700

ngolevd@mail.ru

Шпильная Надежда Николаевна

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 1935-0020

<https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Scopus Author ID: 56642714100

Аннотация: Работа выполнена на стыке диалогической и интернет-лингвистики. Предмет рассмотрения – содержательные и структурные особенности виртуального диалога, организуемого в социальных сетях, на фоне живого (устного) диалога. Гипотезой стало положение, согласно которому виртуальный диалог в социальных сетях находится в отношениях функционального параллелизма с реальным (живым) диалогом. Цель – выявить и охарактеризовать инвариантные и вариативные характеристики виртуального диалога, организуемого в социальных сетях, на фоне непосредственного диалога. Проведен сопоставительный анализ организации непринужденного диалога и виртуального диалога в социальной сети ВКонтакте в его различных проявлениях: 1) в открытом публичном диалоге, 2) в открытом анонимном диалоге, 3) в открытом персональном диалоге. Материалом послужили: 1) тексты непринужденного диалога, опубликованные в сборнике «Живая речь уральского города: Тексты»; 2) тексты виртуального диалога, включающие: а) посты и комментарии к ним в паблике «Анонимно»; б) посты и комментарии к ним в паблике «Вести»; в) посты и комментарии к ним, размещенные на персональных страницах носителей языка (10 единиц). В качестве параметров сравнения двух диалогов были избраны образ адресата, инициальные коммуникативные ходы, режимы диалоговедения и способы структурной организации диалога. В результате выявлены инвариантные параметры опосредованного виртуального диалога: в открытом публичном виртуальном диалоге – массовый публичный адресат, в открытом персональном диалоге – прогнозируемый адресат, в открытом анонимном диалоге – анонимный адресат, в непринужденном диалоге – персональный адресат. В виртуальном диалоге выделен дополнительный тип – имплицитный адресат (читатель), который актуализируется в сознании читателя текста комментариев. Установлено, что в виртуальном диалоге доминирует интенция *поделиться*, а в непринужденном диалоге – интенция поддержания разговора. Определены структурные особенности реплик: в виртуальном диалоге реплики связаны радиально-цепочечной связью, а в непосредственном – цепочечной. Структура виртуального диалога является открытой, а структура живого диалога – закрытой. В результате анализа языкового материала зафиксировано, что в непринужденном диалоге преимущественно реализуется нарративный режим диалоговедения, а в виртуальном диалоге – реплицирующий.

Ключевые слова: виртуальный диалог, устный диалог, социальные сети, образ адресата, инициальные коммуникативные ходы, режимы диалоговедения, способ структурной организации диалога

Цитирование: Голев Н. Д., Шпильная Н. Н. Опосредованный виртуальный диалог в социальных сетях на фоне непосредственного (живого) диалога: функциональные и структурные особенности (на материале общения в социальной сети ВКонтакте). *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2024. Т. 3. № 4. С. 361–373. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-4-361-373>

Поступила в редакцию 07.11.2024. Принята после рецензирования 29.11.2024. Принята в печать 29.11.2024.

full article

Intermediary Virtual Dialogue in VKontakte Social Network vs. Immediate Live Dialogue: Functions and Structure

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5085-8816

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Scopus Author ID: 56642816700

ngolevd@mail.ru

Nadezhda N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 1935-0020

<https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Scopus Author ID: 56642714100

Abstract: A virtual dialogue in social networks is functionally parallel to a live one. The authors applied Dialogical Linguistics and Internet Linguistics to compare the substantive and structural features of a virtual dialogue in social networks with an oral live dialogue. The research objective was to identify and describe the invariant and variable features of a virtual dialogue and a live one. The virtual dialogue in the VKontakte social network was represented by an open public dialogue, an open anonymous dialogue, and an open personified dialogue. They were obtained from posts and comments in the public *Anonymous*; posts and comments on the public page *Vesti*; posts and comments on personal home pages of native Russian speakers. The samples of live conversations came from the collection of *The Living Speech of an Ural City* (1995). The analysis parameters included the image of the addressee, the initial conversational turns, the modes of dialogue management, and the methods of structural organization. The analysis yielded a substantive and structural typology of a virtual dialogue in social networks.

Keywords: virtual dialogue, oral dialogue, social networking sites, image of addressee, initial communicative turns, modes of dialogue management, methods of dialogue structural organization

Citation: Golev N. D., Shpilnaya N. N. Intermediary Virtual Dialogue in VKontakte Social Network vs. Immediate Live Dialogue: Functions and Structure. *Virtual Communication and Social Networks*, 2024, 3(4): 361–373. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-4-361-373>

Received 7 Nov 2024. Accepted after review 29 Nov 2024. Accepted for publication 29 Nov 2024.

Введение

Статья посвящена анализу содержательных (функциональных) и структурных особенностей опосредованного виртуального диалога в социальных сетях на фоне непосредственного (устного) диалога.

В рамках исследования осуществляется поиск ответа на вопрос, является ли виртуальный диалог в социальных сетях самостоятельным явлением или модификацией традиционного диалога. Обращаясь к анализу виртуального диалога, особое внимание уделим рассмотрению его инвариантных признаков, которые позволили бы нам ответить на вопрос, является ли диалог в социальных сетях одним из видов непринужденного диалога, осуществляемого в устной коммуникации, или же это самостоятельное коммуникативное явление, появившееся

благодаря развитию интернет-среды и социальных сетей как платформы, организующей виртуальный диалог.

Гипотезой нашего исследования является положение, согласно которому виртуальная сфера коммуникации выступает самостоятельным коммуникативным образованием, находящимся в отношении функционального параллелизма и в ряде случаев конкуренции с реальным (живым) диалогом. При этом данные «параллельные миры» диалогов отличаются функциональной направленностью: непринужденный диалог имеет фатическую ориентацию, а виртуальный диалог в социальных сетях – аксиологическую ориентацию. Говоря о функциональном параллелизме, мы имеем в виду, что непринужденный

и виртуальный диалог представляют собой два «параллельных мира», ориентированных на разные образы адресатов и включающих разные инициальные коммуникативные ходы, режимы диалоговедения и способы структурной организации реплик.

Цель – выявить и охарактеризовать инвариантные и вариативные характеристики виртуального диалога, организуемого в социальных сетях, на фоне непосредственного диалога.

Оппозиция непосредственного и виртуального диалога находится в центре внимания ученых с начала XXI в. в связи с активным распространением сети Интернет. И если первоначально акцент в работах исследователей был сделан на специфике кода как средства интеракции в виртуальной сфере коммуникации, то в более поздних работах акцент делается на содержательных параметрах устного и виртуального диалога, воплощенного в социальных сетях. Содержательный анализ указанных видов диалога проводится по линии констатации дедialogизации виртуального диалога, характеризующегося размыванием границ между публичным и приватным содержанием постов в социальных сетях [Чеснокова 2021].

Появление сети Интернет и социальных сетей позволяет утверждать, что сегодня формируется новая коммуникативная реальность с присущими ей содержательными и функциональными особенностями. Формирование новой реальности идет по линии дедialogизации непринужденного диалога, которая наблюдается в смене модели адресантно-адресатной коммуникации. Если в устном (живом) диалоге модель диалогического взаимодействия можно описать как «диалог для двоих», то в социальных сетях такая форма диалога уходит на второй план; на первый план выходит формат «один адресант – неопределенное в большинстве случаев и неограниченное множество адресатов» (к подобному выводу приходит и Н. А. Пром, анализируя типы адресатов в медиадискурсе [Пром 2020]). Таким образом, фактор адресата становится детерминантой, определяющей содержательные и структурные особенности общения в данных форматах коммуникации.

В центре нашего внимания – сопоставительный анализ организации непринужденного диалога и виртуального диалога в соцсети ВКонтакте в его

различных проявлениях: 1) в открытом публичном диалоге, 2) в открытом анонимном диалоге, 3) в открытом персональном диалоге.

Методы и материалы

Материалом для анализа послужили: 1) тексты непринужденного диалога, опубликованные в сборнике «Живая речь уральского города: Тексты»¹; 2) тексты виртуального диалога, включающие а) посты и комментарии к ним в паблике «Анонимно»²; б) посты и комментарии к ним в паблике «Вести»³; в) посты и комментарии к ним, размещенные на персональных страницах носителей языка (10 единиц).

В работе представлена содержательная типология виртуального диалога в социальных сетях, учитывающая следующие параметры сравнения опосредованного виртуального и устного (живого) диалога: 1) образ адресата; 2) инициальные коммуникативные ходы; 3) способ структурной связи реплик; 4) режимы диалоговедения.

Основные методы исследования: аналитико-описательный метод и сравнение.

Результаты

Непринужденный диалог и виртуальный диалог в социальных сетях: аспекты изучения

История изучения диалогической речи начинается с исследования бытового разговора, который описывается как спонтанная коммуникация между двумя и более участниками коммуникативной ситуации, характеризующаяся особым типом реплицирования, четко выраженными коммуникативными интенциями, которые задает адресант, и специфическими языковыми особенностями [Михайлов 1986: 5]. С течением времени непринужденная диалогическая речь все чаще привлекает внимание ученых. На сегодняшний день выявлены коммуникативные [Балаян 1971; Энгель 2002], прагматические [Баранов, Крейдлин 1992] и деривационные [Сметюк 1994] механизмы, определяющие специфику «живой» диалогической речи; охарактеризованы структурные особенности устного разговора [Борисова 2009]; выявлена минимальная структурная единица диалогической речи [Шведова 1960]; описаны прагматические связи реплик в структуре диалогического единства [Падучева 1982]; выявлена интенциональная структура повседневного диалога

¹ Живая речь уральского города: Тексты, науч. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1995. 206 с.

² Паблик «Анонимно». URL: https://vk.com/anonimno_pozhaluista (дата обращения: 19.07.2024).

³ Паблик «Вести». URL: <https://vk.com/vesti> (дата обращения: 19.07.2024).

[Афиногенова, Павлова 2012]. Особо следует отметить исследования, посвященные описанию устного неофициального общения [Байкулова 2014], в том числе и в рамках конверсационного анализа [Bronwen 1997; Goodwin, Heritage 1990; Westerman 2011], и работы, фиксирующие устный непринужденный диалог⁴.

Несмотря на то что диалогическая речь давно привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых, в начале XXI в. в связи с активным распространением сети Интернет в лингвистике появляется интерес к изучению виртуального диалога как диалога, организуемого в сети Интернет и / или при помощи различных технических средств.

Изучение диалога в сети Интернет – актуальное направление современной лингвистики. Так, в настоящее время исследуются проявления категории диалогичности в интернет-коммуникации [Колокольцева 2011], особенности электронной коммуникации в чат-коммуникации [Самойленко 2015], отмечается наличие особой письменной разговорной речи как варианта национального языка, функционирующего в сфере виртуальной коммуникации [Голев 2013]. При этом основной акцент в подобных работах сделан на анализе языка социальных сетей [Крылова 2019], на соотношении элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации [Алтухова 2012], на формировании особого социолекта в интернет-коммуникации [Воронцова, Патрушева 2018]. В итоге основной акцент в указанных работах делается на специфике языка как средства интеракции между виртуальными языковыми личностями. Полагается, что он обладает лексическими, синтаксическими и графическими особенностями.

Особое место в виртуальной коммуникации занимает общение в социальных сетях, формирующее «особое инклюзивное коммуникативное пространство» [Оргонева, Кожарнович 2022: 251]. Исследований, направленных на изучение специфики общения в социальных сетях, не так много. Можно отметить работу А. А. Матусевич, в которой исследуются прагматические, коммуникативные и лингвостилистические коммуникации в социальной сети ВКонтакте [Матусевич 2017]. Автор отмечает, что коммуникация в социальных сетях отличается такими признаками, как коллоквиализация, экспрессивность, поликодовость и снижение речи,

и осуществляется с использованием особых речевых единиц разных уровней [Там же].

Из последних работ можно назвать коллективные монографии «Социальные сети: комплексный лингвистический анализ», посвященные лингвистическому и лингвоконфликтологическому анализу социальных сетей [Алтухова и др. 2021; Бушев и др. 2022; Голев и др. 2021]. Отдельно отметим работу О. Оргоневой и М. П. Кожарнович, в которой в центре внимания находится «дискурс повседневности в социальных сетях, в котором преобладает спонтанный диалог вторичного типа. Такой диалог отличается неформальностью, языковой импровизацией, интердискурсивностью, комбинированием атрибутов устной и письменной речи» [Оргонева, Кожарнович 2022: 237]. Итак, в работах, посвященных анализу особенностей опосредованного виртуального диалога в социальных сетях, основное внимание уделяется специфике кода как средства коммуникации в виртуальном диалоге.

Отдельную группу исследований, посвященных изучению виртуальной коммуникации, составляют работы, в которых рассматривается проблема развития виртуального диалога в социальных сетях. Так, в работе [Голев, Сушкина 2023] подтверждается гипотеза о саморазвивающемся характере общения в социальных сетях. Исследователи, анализируя центробежный аспект развития виртуального диалога, выделяют различные синергетические типы [Голев, Лебедева и др. 1998] развития диалога: прогрессивный, затухающий, смешанный, регрессивный. В статье Я. А. Дударевой и Н. Н. Шпильной описываются особенности реплицирования в социальных сетях, позволяющие строить прогнозы по поводу развития общественных событий [Дударева, Шпильная 2021]. Также Н. Н. Шпильная пишет о метаязыковых операторах диалога в виртуальной коммуникации [Шпильная 2021].

На фоне подобных исследований актуализируется потребность в детальном изучении специфики виртуальной коммуникации в социальных сетях, что становится возможным благодаря сопоставительному изучению виртуального и непринужденного диалога по различным параметрам. Новизна исследования связана с выявлением инвариантных и вариативных особенностей организации виртуального диалога в социальных сетях на фоне устного диалога.

⁴ Живая речь уральского города: Тексты...; Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия, сост. И. В. Шалина. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2011. 360 с.

Содержательная типология виртуальной диалогической речи

Образ адресата в опосредованном виртуальном диалоге и непосредственном (живом) диалоге.

Образ адресата – это представление о реальном или потенциальном получателе сообщения, на образ адресата опирается автор, строя свою речь [Демьянков 2003]. Некоторые выделенные нами типы адресатов соотносятся с типологией адресатов, предложенной в работе [Формановская 2007].

Непосредственный и опосредованный виртуальный диалог характеризуются тем, что адресат в них предстает как соавтор дискурса (= как собеседник).

Однако в открытом публичном виртуальном диалоге – **массовый публичный адресат**, который, реагируя на те или иные события, оставляет комментарии, представляющие собой его «соразмерный вклад» в коммуникацию:

– Парень в Химках вышел из автомобиля у светофора и помог перейти широкий проспект пожилому человеку, несмотря на то что загорелся красный. Остальные автомобилисты спокойно ждали, пока дедушка пройдет

– Дух русский⁵

Сама специфика публичного диалога предполагает размещение коммуникативных событий, актуальных для любых носителей языка, подписанных на группу ВКонтакте. В приведенном примере адресант сообщает о следующем событии: *парень помог пожилому человеку перейти дорогу*. Подобного рода события ориентированы на массового публичного адресата.

В открытом персональном диалоге – **прогнозируемый адресат**, представленный носителями языка, которые, реагируя на личностно окрашенные события друга или коллеги, также оставляют комментарии, являясь соавторами единого диалогического дискурса:

– Впервые прочел стихотворение Роберта Фроста "Неизбранная дорога" ("The Road Not Taken") в переводе блистательного филолога Григория Кружкова (<https://dzen.ru/a/ZUOLTGAW-CGUOUYm>). Мощное стихотворение, но пишу не столько для привлечения внимания друзей-ВК к поэту, к его стиху и Г. Кружкову, сколько для инициирования обсуждения исходного тезиса поста. Вот он: «Это стихотворение

постоянно сопровождает среднестатистического американца на его жизненном пути. Оно регулярно цитируется к месту и не к месту, его вспоминают на телевидении и в кино. На него есть великое множество отсылок в самых разных областях поп-культуры». Хочется спроецировать этот момент в нашу культуру, в наш менталитет и на этой основе обсудить вопросы о том, какие тексты выполняют сейчас роль культурного скрепа, в том числе – роль кода для культурного общения разных поколений, и на этой основе поговорить о том, как и кем должен формироваться круг чтения, во-первых, наших детей и, во-вторых, – вообще всех наших соотечественников. PS Отчасти мой отклик навеян активной рекламной и слоганом "ВТБ – это классика"

– Интересный вопрос, надо подумать. И ещё интересно: а думал ли кто уже на эту тему?

Очевидно, что адресант, размещая пост, ожидает отклика от тех носителей языка, кто на него подписан. Это друзья, коллеги, которые вербально или невербально (лайком) поддержат беседу.

В открытом анонимном диалоге – **анонимный адресат**, который также реализует соавторскую позицию адресата, оставляя свой комментарий на сообщение анонимного адресанта:

– Анонимно пожалуйста

Я просто хочу кричать от злости и бессилия 😡😡😡

Муж служит в одном из полков третьей армии (указывать номер не буду, я думаю, дальше будет понятно почему). Я его не видела уже год, ему просто не дают отпуск. И тут он мне говорит, что его ротный едет в отпуск. Так сложилось что мы с одного города, и это отличный шанс передать посылку мужу напрямую, не через почту. И тут начался сюр. Когда мы встретились ротный предложил мне поспособствовать, что бы мужа не отправляли в штурма 🤔 И даже назвал расценки по «возможностям». Когда я попыталась съехать на то, что нет денег и т.д., то он предложил рассчитаться натурой 🤔🤔🤔 Естественно, на этом наше общение было закончено. Меня уже неделю просто трясёт от злости 😡 Мало того что эта тварь ездит в отпуск а других не отпускает, мало того что у них там прям преёскурант на облегчение условий прохождения службы, так он еще и такое предлагает. Просто мразь 🤔🤔

⁵ Здесь и далее в примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

Мужу, естественно, я ничего не говорила. Подскажите, есть ли возможность куда-то пожаловаться таким образом, что бы мужу не сделать плохо?

– Командиру части либо в крайнем случае военная прокуратура но должны быть доказательства а не только ваши слова а так же желательно найти ещё заявителей на данного товарища.

Размещая пост в группе «Анонимно», адресант не знает, кто прочитает его сообщение, но он понимает, что это будет кто-то из подписчиков группы.

В виртуальном диалоге, независимо от того, является ли он публичным, анонимным или открытым, выделяется еще один тип адресата – **имплицитный адресат (читатель)**, который актуализируется в сознании читателя текста комментариев. Носители языка, рефлектирующие по поводу исходного поста, в сознании читателя живут в образе участников диалога.

В непосредственном диалоге – **персональный адресат**. Иными словами, адресант и адресат знакомы; создавая сообщение, адресант отправляет его конкретному адресату – участнику коммуникативной ситуации:

– Давайте о бабушке расскажу// наша бабушка/ Афанасия Кирилловна...

– Афанасия?

– Да/ да //

– (С УДИВЛЕНИЕМ) Ведь это же надо какое имя //

– Да/ Афанасия// осталась сиротой трёх л е т //

Как видим, адресант и адресат знакомы, на это указывает инициальная фраза диалога: *Давайте о бабушке расскажу*. И адресант, и адресат – участники конкретной коммуникативной ситуации.

Таким образом, непринужденный и виртуальный диалог похожи тем, что адресат в них – соавтор дискурса, однако в непринужденном диалоге – персональный адресат, а в виртуальном анонимном диалоге – адресат анонимный, в открытом публичном виртуальном диалоге – массовый публичный адресат, в открытом персональном виртуальном диалоге – адресат прогнозируемый.

Структурные типологии виртуальной диалогической речи

Инициальные коммуникативные ходы в опосредованном виртуальном диалоге и непосредственном (живом) диалоге. Под инициальной репликой, по мнению Е. В. Бобыревой, следует понимать любое

высказывание одного из участников процесса общения, открывающее диалогический текст, ограниченное одним речевым ходом партнера по коммуникации, выражающее определенную коммуникативную интенцию и преследующее определенную иллокутивную цель [Бобырева 1996: 11].

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что инициальные коммуникативные ходы в непосредственном и опосредованном виртуальном диалоге отличаются.

Нами выявлено, что в открытом публичном виртуальном диалоге доминирует **интенция поделиться общественно значимыми событиями**:

- Суд вернул прокурору для устранения недостатков дело о нарушении закона об иноагентах против Юрия Дудя после интервью с Артемием Лебедевым, сообщает ТАСС со ссылкой на судебные материалы;
- Емкость с топливом загорелась в результате атаки БПЛА в городе Ровеньки в ЛНР. Пожарные оперативно потушили возгорание, сообщили в МЧС России;
- 11 учеников попали в больницу после отравления в школе Елизова на Камчатке, сообщает прокуратура края.
Еще несколько человек с признаками кишечной инфекции лечатся амбулаторно.

Из этих примеров видно, что авторы постов делятся событиями, которые значимы для общества, в том числе это события о нарушении закона об иноагентах, об атаках БПЛА, об отравлении школьников.

В ходе анализа языкового материала установлено, что в открытом персональном виртуальном диалоге доминирует **интенция поделиться личностно значимыми событиями и / или результатами рефлексии над ними, своими или чужими мыслями**:

- Сегодня в рамках Всероссийского проекта «В гостях у ученого» проводила лекцию для школьников на тему «Научное студенческое объединение ИФиМК»;
- Итак, друзья! Уже близко День российской науки. Вы часто спрашиваете у меня, чем я занимаюсь. И вот – специально для вас и по вашим многочисленным просьбам... Научный рэп... Скорее, попытка вызвать вас на научный баттл 🤔🤔🤔
- Рисунок 1.

Рис. 1. Пример интенции *поделиться* лично значимыми событиями и / или результатами рефлексии над ними, своими или чужими мыслями
Fig. 1. Intention to *share* personally significant events / reflections / user's own or someone else's thoughts

Приведенные примеры показывают, что в открытом персональном виртуальном диалоге, предназначенном для френдзоны, инициальные реплики реализуют интенцию *поделиться*. Так, в первом примере носитель языка делится информацией о проведении лекции для школьников. Во втором примере адресант делится со своими сетевыми друзьями научным рэпом. В третьем примере носитель языка делится со своими подписчиками чужими мыслями, которые значимы для него самого.

Анализ языкового материала позволяет подчеркнуть, что в анонимном виртуальном диалоге реализуется **интенция поделиться информацией о событиях из личной жизни – о наболевшем**. Носители языка, размещая пост в анонимной группе в социальной сети ВКонтакте, желают выговориться.

Например:

– Админ, очень прошу, анонимно, пожалуйста.

Не знаю, возможно меня за это захейтят, но мне нужна психологическая разгрузка, другими словами, выговориться хочу. Не поверите, дома, даже жене не могу рассказать. Я работаю на предприятии ОПК. Делаем так, чтобы наши бомбы долетали дальше

и уничтожали больше нацистов. Но тут на днях я буквально узнаю, что из-за моих действий и действий моих коллег, да даже больше скажу даже не коллег, а оборудования, на котором мы изготавливаем изделия, наши бомбы падают на нашу территорию, что уже упало больше 35 шт. И вот сейчас у меня просто сердце разрывается, прям как-то сковывает всего, это очень тяжело узнать, что из-за того, что ты произвел, погибли свои сограждане. Да, мы между коллегами это обсуждаем, они оправдывают это тем, что все же, много и долетает, и что их вины здесь нет. Не их вина, что оборудование старое и платить могли бы больше и т.д.

Раньше мне как-то пофиг было, делаешь изделие и не думаешь. А тут как узнал цифру, и то, что от этих бомб еще свои гибнут...

Ужасно еще осознавать, что это может из-за своей халатности или халатности моих коллег. Буду честен, мы немного пофигически собирали эти изделия, главное количество и сроки. А сейчас совесть очень мучает, алкоголь не помогает, куда идти, что делать, как найти внутренний покой.

Размещая пост, носитель языка желает выговориться: *выговориться хочу, мне нужна психологическая разгрузка*. Он делится информацией, имеющей для него особое значение, о том, что изготовленное им оборудование используется на территории России, как следствие, гибнут *свои сограждане*.

Как показывает анализ языкового материала, в непринужденном (живом) диалоге на первый план выходит **интенция поддержания разговора**. Иными словами, носитель языка, создавая инициальную реплику, актуализирует намерение установить коммуникативный контакт с адресатом. Это может быть намерение обсудить какие-либо события из личной жизни, события, происходящие здесь и сейчас, намерение общения ради общения и пр.:

- А. – Маргарин//
Б. – Маргарин где?
А. – Ну поддай/ боже мой/ ну никак не можешь мне помочь//
Б. – Плиту выключи//
А. – А/ Лена плиту включать не умеет// ха-ха//
Б. – Хм//
А. – Уходи/ я сама здесь всё вымою// (ПАУЗА)
Б. – Подожди/ подожди/ не опускай// (БРЯКАНЬЕ ПОСУДЫ)...
- А. – Вы в эту субботу работали?
Б. – Не-е/ четыре дня отдыхали//

А. – Почему?

Б. – Я вообще-то не знаю/ наш-то мастер сказала/ что [чо] я говорю/ <нам завтра во вторую?>/ <не работаете вы?>/ говорит/ <в следующую субботу будете?>/ а потом это/ ну мастер которая это/ во вторую с нами работала/ <вы знаете что завтра с утра выходите?>/ я говорю/ <нам сказали в следующую субботу?>/ она говорит <кто вам сказал?> Я говорю <мастер?>// она говорит <я ж знаю?>/ говорит/ <с утра все выходят?>/ я говорю <ну и выходите?>/ не знаю/ может следующая будет рабочая/ а может и не т //

А. – О-о-о/ какой шараш-монтаж//

Б. – Работать будем за понедельник/ а понедельник предпраздничный день// работаем/ хоть хорошо/ 7 часов/ конечно лучше бы вчера выйти//

А. – Да-а правильно//

В первом диалоге носители языка вместе готовят, инициальная реплика нацелена на поддержание разговора, она инициирует диалог, сопровождающий совместное приготовление пирога. Во втором диалоге первая реплика представляет собой запрос информации, но тем не менее это не информативный, а фатический диалог, предполагающий общение ради общения. Первая реплика нацелена на установление коммуникативного контакта.

Структура организации реплик в опосредованном виртуальном диалоге и непосредственном (живом) диалоге. Под структурой диалога понимается способ организации реплик в диалогическом единстве. В результате анализа языкового материала выявлено, что в опосредованном виртуальном диалоге реплики связаны радиально-цепочечными отношениями, тогда как в непосредственном диалоге – цепочечными отношениями. Это означает, что опосредованный виртуальный диалог имеет открытую структуру, т. к. любой носитель языка может прокомментировать или ответить на ту реплику, которая его заинтересовала. А непосредственный диалог имеет закрытую структуру. Рассмотрим особенности структурной организации реплик в опосредованном виртуальном и непосредственном диалоге.

Приведем пример структурной организации реплик в открытом публичном диалоге:

(1) – Андрей Белоусов провел инспекцию военных и социальных объектов Северного флота. Министру доложили о завершении реконструкции причального фронта для атомных подлодок проекта 955. Он также

осмотрел подводный крейсер "Князь Владимир" и объекты гарнизона 61-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты.

(2) Сергей Пронин: Там не воруют?

(3) Елена Стрелкова: Сергей, ну вот для того и инспектируют, что бы проверить качество и скорость работы и понять, воруют или нет)

(4) Игорь Евдокимов-1: Сергей, нигде не воруют, все идет на оборону в первую очередь, сейчас задачи четкие даны и отходить от них никто не собирается никак

(5) Игорь Евдокимов-2: Министр следит за ситуацией, и что бы все наши силы были приведены в действие, и работали как часы, от крейсера до бпла

Реплики в диалоге связаны радиально-цепочечной связью (рис. 2). Реплики Сергея Пронина и Игоря Евдокимова-2 представляют собой комментарий инициальной реплики. Реплики Елены Стрелковой и Игоря Евдокимова-1 адресованы Сергею Пронину.

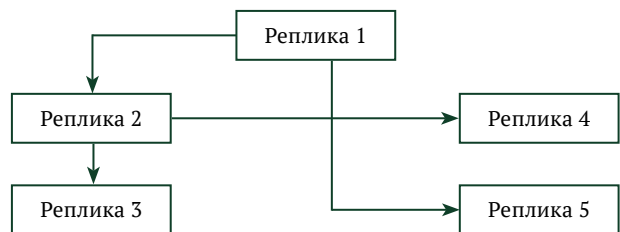

Рис. 2. Структурная организация реплик в виртуальном открытом публичном диалоге
Fig. 2. Structural organization of cues in a virtual open public dialogue

Рассмотрим пример структурной организации реплик в открытом анонимном диалоге:

(1) – Интересная штука – компромисс. Я не хочу детей, муж хочет. Я изначально говорила, что не хочу детей. Муж хотел, но вроде готов был смириться. Сейчас его позиция изменилась и он отчаянно выносит мозг мне, моей маме, моему папе, моим подругам, спасибо, до начальницы пока не дошел. Я говорю: "Нет". И со всех сторон мне талдычат этим "компромиссом". Я не хочу детей, муж хочет двух-трех, нам нужно прийти к компромиссу и родить одного. "К компромиссу" – нам, а "родить" – мне. Хорошо получается. И я, главное, отказываюсь от переговоров, я уперлась рогами, а он весь из себя хороший.

(2) olga666olga сменила: Мужик хочет наследников, это нормально. Ну разводись тогда.

(3) Виолетта Шварц: *Суррогатная мать. Если муж хочет, то пусть платит. Если муж хочет, то пусть потом кормит, ночами не спит, везде его водит. Это как бы ваш ребенок, но как бы для него. И ничего рвать себе не нужно. Волосы и зубы не будут сыпаться, кальций не вымоется из организма, суставы не будут болеть. Но, к сожалению, Вам придется терпеть мелкого.. Ведь это и есть "компромисс"*

(4) Ника Александровна: *Виолетта, сначала хотела осудить, но дочитала комментарий до конца...*

Приведенная схема (рис. 3) показывает, что реплики в структуре анализируемого диалога связаны радиально-цепочечной связью. Так, реплика Olga6666Olga сменила и Виолетты Шварц адресованы автору инициальной реплики. А реплика Ники Александровны написана в ответ на комментарий Виолетты Шварц.

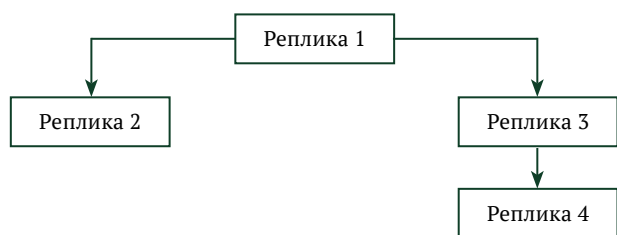

Рис. 3. Структурная организация реплик в виртуальном открытом анонимном диалоге
Fig. 3. Structural organization of cues in a virtual open anonymous dialogue

В открытом персональном диалоге реплики также связаны радиально-цепочечной связью (рис. 4). Например:

(1) – *Утром и ранним вечером за окном, а точнее на оконной раме, наблюдаю картину - мухи жмутся к стеклу, стараясь прижаться плотнее и попасть (они, наверное, так думают) в тепло. К вечеру активность их существенно угасает, сил остаётся меньше и меньше..*

И вспоминаю сказку "Последняя муха" Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Она входит в цикл «Алёнушкины сказки».

Если кратко, то эта сказка вот о чем (рекомендую прочесть полностью).

Молоденькая мушка считала, что всё в мире существует ради блага мух. Особенно она восхищалась людьми, ведь они для мух делают столько полезного. Старая муха так не считала, поэтому предостерегала юную подругу от дружбы с людьми.

Набравшись жизненного опыта, муха стала благо-разумной. Теперь она не только к людям относилась с опаской, но и радовалась, когда её подруги попадали в западню. Она считала так: чем меньше мух, тем лучше для неё.

Осторожная муха благополучно дожидая до зимы и оказалась единственной мухой во всём доме. Даже хозяйка последнюю муху не стали трогать. Мухе было скучно одной, она хотела общения, поэтому чуть было не угодила в сети паука.

Приближались весенние тёплые деньки. В доме появилась жизнерадостная молоденькая мушка, и героиня поверила, что лето делают мухи.

В полноформатном представлении сказка и поучительна, и весела, и познавательна.

Рекомендую

(2) Алексей Бирюков: *Прекрасное сообщение!*

(3) Лазаренко Ирина-Рудольфовна-Лазаренко-Ирин (Автор): *Алексей, 😊👍. Спасибо*

(4) Татьяна Пашкевич: *Как же у Вас хватает времени на чтение...Вы супер руководитель и супер учитель! С праздником! Спасибо за пост..*

Рис. 4. Структурная организация реплик в виртуальном открытом персональном диалоге
Fig. 4. Structural organization of cues in a virtual open personified dialogue

В непринужденном диалоге реплики связаны цепочечными отношениями (рис. 5). Например:

(1) В. – *А ты знаешь/ когда мы познакомились с Перуновыми/*

(2) Ф. – *Угу/*

(3) В. – *Перваянашавстреча/ну...тыещёихнезнаешь/ (ОТКАШЛИВАЕТСЯ) когда мы появились/ это гл... нет главное а... нет нет нет подожди подожди [подожжи]/ это... это была не Фаина Васильевна/ а это была я. (ПОЧТИСМЕЕТСЯ) Мы как там встретились/ мы пришли... с Борисом Александровичем [Александром] а Фаина Васильевна с Перескоковым там была! с Рином Петровичем// и мы там их увидели и ка-ак (СМЕХ)/ громко значит (НРЗБ) <a-a-a!> Лариса Перунова прижалась/ (ЗАГОВОРЩИЧЕСКИ)*

Рис. 5. Структурная организация реплик в непосредственном диалоге
Fig. 5. Structural organization of cues in an immediate live dialogue

она к таким возгласам не привыкла// и мы так смотрим/ ну а Аркаша-то ладно! А Лариса <дикие какие-то дикие какие-то> (ШИПИТ) (СМЕХ)

(4) Ф. – А откуда такие?

(5) В. – А откуда такие? А она-то ничего не сказала/ она вот так на нас выразительно стояла смотрела замороженная// а мы <а-а-а! Перескоковы-ы-ы! (НРЗБ) О-о-о! Борис Александрович [Алексаньч!]> (БАСОМ. СМЕХ) О-о-ой кошмар// а потом привыкла//

(6) Ф. – И уже не замечает// (НРЗБ) было скучно// (СМЕХ)...

Таким образом, разница между опосредованным виртуальным и непосредственным диалогом в тексто-деривационном плане заключается в том, что в виртуальном диалоге реплики связаны радиально-цепочечной связью, в то время как в непосредственном диалоге – цепочечной связью. Структура виртуального диалога является открытой, а структура живого диалога – закрытой.

Особенности режима диалоговедения в опосредованном виртуальном диалоге и непосредственном (живом) диалоге. Анализ языкового материала позволяет утверждать, что в виртуальном диалоге используется реплицирующий режим диалоговедения, тогда как в непосредственном диалоге диалог реализуется как в реплицирующем, так и в нарративном режиме. По мнению И. Н. Борисовой, предлагающей дифференцировать данные режимы диалоговедения, реплицирующий режим диалоговедения есть способ организации речевого поведения коммуниканта, при котором в его речевой партии реализуется установка на быстрый темп речевого обмена перемежающимися репликами с передачей речевого хода, а нарративный режим диалоговедения – это способ организации речевого поведения коммуниканта, при котором в его речевой партии реализуется установка на монологическую речь в условиях непосредственного контактного диалогического общения [Борисова 2009]. Сравним:

Непосредственный диалог:

А. – Сначала придумай/ придумай сначала//

Б. – Подумать сначала надо// даже не знаю о чём разговаривать// знаешь такой диалог есть? (СКОРОГОВОРКОЙ ЦИТИРУЕТ ЮМОРЕСКУ) даже

и не знаю о чём говорить/ ну не знаю о чём говорить/ ну боже мой/ ну о чём говорить/ ну не о чем говорить больше. (ПАУЗА; ПРЕРЫВИСТЫЙ ВЗДОХ) Ну Валя/ ну поддержки ты (СМЕХ)

А. – Ну как же интересно же/ можно говорить?

Б. – Ну куда ты отвернулась/ ты смотри сюда/

А. – А как... (ГОВОРIT, КАК БЫ ДЕКЛАМИРУЯ) а как много можно говорить о прекрасном/ так много мыслей прекрасных людей/ иногда бывает в голове/ и если они конечно есть/ и если есть голова (ПАУЗА) и мысли (ПАУЗА) а ещё ты знаешь/ что же/ что же я слышала/ ты знаешь так интересно/ мне понравилась такая мысль одного человека/ что (ПАУЗА) э-э-э... бог ты мой// (СМЕХ) забыла я / представь//

Б. – (С ИРОНИЕЙ) Надо записывать умные мысли (ПАУЗА) чтоб...

Виртуальный персональный диалог:

– Большое спасибо за доверие и высокую оценку! АлтГПУ – лучший вуз Алтая ❤️

Виртуальный анонимный диалог:

– Езжай с ним 😏

Виртуальный публичный диалог:

– какая то ненависть у них к сельхоз технике, даже у поляков сжигают 🤬🤬🤬

В виртуальном диалоге носители языка поддерживают инициальную реплику небольшим комментарием, актуализируя реплицирующий режим диалоговедения, тогда как в непринужденном диалоге носитель языка поддерживает разговор в нарративном и реплицирующем режимах.

Заключение

В результате проведенного анализа двух типов диалога (непринужденного и виртуального) выявлены инвариантные параметры опосредованного виртуального диалога, организуемого в социальной сети VKontakte. Установлено, что в открытом публичном виртуальном диалоге – массовый публичный адресат, в открытом персональном диалоге – прогнозируемый адресат, в открытом анонимном диалоге – анонимный адресат, в непринужденном диалоге – персональный адресат. В виртуальном диалоге,

независимо от того, является ли он публичным, анонимным или открытым, выделен еще один тип адресата – имплицитный адресат (читатель), который актуализируется в сознании читателя текста комментариев. Смещение образа адресата определяет инициальные коммуникативные ходы, используемые носителями языка в непосредственном и виртуальном диалоге. Установлено, что в виртуальном диалоге доминирует интенция *поделиться*, а в непринужденном – интенция поддержания разговора. Смена модели адресанто-адресатной коммуникации определяет структурные особенности реплик в непосредственном и виртуальном диалоге. Выявлено, что в виртуальном диалоге реплики связаны радиально-цепочечной связью, а в непосредственном – цепочечной. Структура виртуального диалога является открытой, а живого диалога – закрытой. В результате анализа языкового материала зафиксировано, что в непринужденном диалоге преимущественно реализуется нарративный режим диалоговедения, а в виртуальном диалоге – реплицирующий.

Таким образом, виртуальный диалог представляет собой самостоятельную сферу коммуникации

с присущей ей моделью адресанто-адресатного взаимодействия, определяющей образ адресата, инициальные коммуникативные ходы, структурный принцип организации диалога и режим диалоговедения. На этом фоне наша гипотеза о функциональном параллелизме двух сфер коммуникации (виртуальной и непринужденной) и о наличии специфики в системной организации сферы виртуального диалога подтвердилась.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Алтухова Т. В. Соотношение элементов устной и письменной речи в виртуальной коммуникации. *Сибирский филологический журнал*. 2012. № 1. С. 150–154. [Altuhova T. V. Correlation of elements of oral and written speech in virtual communication. *Siberian Journal of Philology*, 2012, (1): 150–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owhddp>
- Алтухова Т. А., Бульдяева В. В., Бушев А. Б. и др. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 1. 430 с. [Altukhova T. A., Buldyaeva V. V., Bushuev A. B. et al. *Social networking websites: Comprehensive linguistic analysis*. Kemerovo: KemSU, 2021, vol. 1, 430. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kegriu>
- Афиногенова В. А., Павлова Н. Д. Интенции субъектов общения в повседневном диалоге. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2012. № 2-2. С. 198–201. [Afinogenova V. A., Pavlova N. D. Intentions of communication subjects in an everyday dialogue. *Cherepovets State University Bulletin*, 2012, (2-2): 198–201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcdhlv>
- Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов: Наука, 2014. 216 с. [Baikulova A. N. *Oral informal communication and its varieties: Everyday speech of urban dwellers*. Saratov: Nauka, 2014, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udictf>
- Балаян А. Р. К проблеме функционально-лингвистического изучения диалога. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1971. Т. 30. № 4. С. 325–331. [Balayan A. R. Functional-linguistic study of a dialogue. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 1971, 30(4): 325–331. (In Russ.)]
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога. *Вопросы языкознания*. 1992. № 2. С. 84–99. [Baranov A. N., Kreydlin G. E. Illocutionary compulsion in the structure of a dialogue. *Voprosy Jazykoznanija*, 1992, (2): 84–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogjrpf>
- Бобырева Е. В. Семантика и прагматика инициальных и финальных реплик диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996. 22 с. [Bobyreva E. V. *Semantics and pragmatics of initial and final cues of a dialogue*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 1996, 22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ktscwd>

- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. М.: URSS, 2009. 320 с. [Borisova I. N. *Russian conversational dialogue*. Moscow: URSS, 2009, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qufevn>
- Бушев А. Б., Гнедаш А. А., Голев Н. Д. и др. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. Кемерово: КемГУ, 2022. Т. 3. 384 с. [Bushev A. B., Gnedash A. A., Golev N. D. et al. *Social networking websites: Comprehensive linguistic analysis*. Kemerovo: Kemsu, 2022, vol. 3, 384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pkdfrr>
- Воронцова Т. А., Патрушева Л. С. Формирование социолекта в интернет-коммуникации. *Филологический класс*. 2018. № 3. С. 60–66. [Vorontsova T. A., Patrusheva L. S. Sociolect formation on the internet communication. *Philological Class*, 2018, (3): 60–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26710/fk18-03-09>
- Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013. № 5. С. 12–30. [Golev N. D. Russian colloquial written speech and the reflection of its modern state in the ordinary metalanguage consciousness of virtual communication participants. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, (5): 12–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rejvcv>
- Голев Н. Д., Алтухова Т. А., Бутакова Л. О. и др. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 2. 300 с. [Golev N. D., Altukhova T. A., Butakova L. O. et al. *Social networking websites: Comprehensive linguistic analysis*. Kemerovo: Kemsu, 2021, vol. 2, 300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nqbyei>
- Голев Н. Д., Лебедева Н. Б., Халина Н. В., Мурзин Л. Н., Карпучина В. А., Чернышова Т. В., Чувакин А. А., Бринев К. И., Трубникова Ю. В. Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул: АлтГУ, 1998. 252 с. [Golev N. D., Lebedeva N. B., Khalina N. V., Murzin L. N., Karpukhina V. A., Chernyshova T. V., Chuvakin A. A., Brinev K. I., Trubnikova Yu. V. *Essays on linguistic determinology and derivatology of the Russian language*. Barnaul: ASU, 1998, 252. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkvxzn>
- Голев Н. Д., Сушкина М. А. О центробежной тенденции в комментировании новостей в социальных сетях. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 1. С. 1–6. [Golev N. D., Sushkina M. A. Centrifugal trend in news comments in social networks. *Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(1): 1–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-1-1-6>
- Демьянков В. З. Образ адресата. *Культура русской речи*, ред. Л. Ю. Иванов. М.: Флинта, 2003. С. 376–377. [Demyankov V. Z. The image of the addressee. *The culture of Russian speech*, ed. Ivanov L. Yu. Moscow: Flinta, 2003, 376–377. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scegep>
- Дударева Я. А., Шпилная Н. Н. Комментарий в социальных сетях как результат реплицирования (на материале интернет-комментариев о вакцинации от ковида). *Политическая лингвистика*. 2021. № 6. С. 54–64. [Dudareva Ya. A., Shpilnaya N. N. Comment on social networking sites as a result of dialogization (based on the material of internet comments on vaccination against COVID-19). *Political Linguistics*, 2021, (6): 54–64. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_06
- Колокольцева Т. Н. Диалог и диалогичность в интернет-коммуникации. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 8. С. 128–133. [Kolokoltseva T. N. Dialogue and dialogicity in Internet communication. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2011, (8): 128–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ooarsb>
- Крылова М. Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «VKontakte»). *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. № 1. С. 128–137. [Krylova M. N. Language of modern internet communication (on the material of the intellectual content of the social network "VKontakte"). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2019, (1): 128–137. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-1-128-137>
- Матусевич А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 2017. 190 с. [Matusevich A. A. *Communication in social networking websites: Pragmatic, communicative, and stylistic aspects*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2017, 190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txzken>
- Михайлов Л. М. Грамматика немецкой диалогической речи. М.: Высш. шк., 1986. 110 с. [Mikhailov L. M. *Grammar of German dialogic speech*. Moscow: Vysch. shk., 1986, 110. (In Russ.)]
- Оргонева О., Кожарнович М. П. Диалог в словацких социальных сетях. *Медиалингвистика*. 2022. Т. 9. № 3. С. 237–253. [Orgoňová O., Kozharnovich M. P. Dialogue in Slovak social networks. *Media Linguistics*, 2022, 9(3): 237–253. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.305>

- Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313. [Paducheva E. V. Pragmatic aspects of the coherence of a dialogue. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 1982, 41(4): 305–313. (In Russ.)]
- Пром Н. А. Типы адресата в медиадискурсе. *Медиалингвистика*. 2020. № 7. № 1. С. 95–103. [Prom N. A. Types of addressee in media discourse. *Media Linguistics*, 2020, 7(1): 95–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.108>
- Самойленко Л. В. Электронный диалог как особый тип прагматических связей чат-коммуникантов. *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2015. № 2. С. 94–101. [Samoilenko L. V. Electronic dialogue as a special type of pragmatic relations of chat communicants. *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2015, (2): 94–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vatwrf>
- Сметюк И. Н. Диалогический текст: коммуникативно-динамический и лингводидактический аспекты (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1994. 20 с. [Smetyuk I. N. *Dialogic text: Communicative and linguistic aspects in English and Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Perm, 1994, 20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjgnal>
- Формановская Н. И. Адресат в речевой коммуникации (речеведение – теория общения) (к юбилею М. Н. Кожиной). In: Формановская Н. И. *Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник)*. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 72–84. [Formanovskaya N. I. Addressee in linguistic communication. In: Formanovskaya N. I. *Selected articles from different years: Anniversary collection*. Moscow: Pushkin Institute, 2007, 72–84. (In Russ.)]
- Чеснокова Л. В. Размывание границы между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2021. № 2. С. 22–38. [Chesnokova L. V. Blurring the line between publicity and privacy in social media and the privacy paradox. *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*, 2021, (2): 22–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17726/philIT.2021.2.2>
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. 377 с. [Shvedova N. Yu. *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: AS SSSR, 1960, 377. (In Russ.)]
- Шпильная Н. Н. Реплицирование: вторая реплика и метаязыковые операторы диалога (на материале диалоговых форматов Интернета). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 71. С. 185–200. [Shpilnaya N. N. Turn-taking: The second conversational turn and metalanguage dialogue operators (based on dialogical internet formats). *Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, (71): 185–200. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/71/11>
- Энгель Е. А. Коммуникативный динамизм обиходного диалога (теоретико-экспериментальное исследование на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 208 с. [Engel E. A. *Communicative dynamism of everyday dialogue: Theoretical and experimental research in German*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2002, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdqeyl>
- Bronwen E. T. "It's good to talk"? An analysis of a telephone conversation from Evelyn Waugh's *Vile Bodies*. *Language and Literature*, 1997, 6(2): 105–119. <https://doi.org/10.1177/096394709700600202>
- Goodwin C., Heritage J. Conversation analysis. *Annual review of anthropology*, 1990, 19(1): 283–307. <https://doi.org/10.1146/annurev.an.19.100190.001435>
- Westerman M. A. Conversation analysis and interpretive quantitative research on psychotherapy process and problematic interpersonal behavior. *Theory & Psychology*, 2011, 21(2): 155–178. <https://doi.org/10.1177/0959354310394719>